

Анна Джейн

ЛУЧШИЕ КНИГИ

КОШМАРНЫХ СНОВ,
ЛЮБИМАЯ

Анна Джейн

ЛУЧШИЕ КНИГИ

КОШМАРНЫХ СНОВ,
ЛЮБИМАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 40

Джейн, Анна.

Д 40 Кошмарных снов, любимая / Анна Джейн. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Анна Джейн. Лучшие книги).

ISBN 978-5-17-102518-2.

Джесс живет обычной жизнью: у нее есть хорошая работа, любящая семья и прекрасный бойфренд. И готовится к свадьбе и путешествию мечты.

Но она не знает, что скоро в ее счастливое настоящее ворвется сумасшедшее прошлое, а будущее окажется под угрозой.

На улицах начнут находить мертвых девушек с застывшими на лицах улыбками.

Чудовища покинут свои убежища и воплотятся в реальность.

А тот, чьи глаза сияют безумием, вернется и предъявит свои права.

И тихо скажет ей на ухо: «Кошмарных снов, любимая...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102518-2.

© Анна Джейн, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Моим новым друзьям, которых я узнала благодаря написанию этой истории.

- Твой страх самый сладкий.
- Твое безумие самое притягательное.

-2 адкая любовь, гадкая, гадкая, гадкая, — шептал он, вода пальцем по ее щеке. Его голос был глумливым и то исходил приторной нежностью, то источал злую усмешку. В узком заостренном лице, обрамленном угольными волосами с проседью, осталось мало человеческого. Тонкие и правильные некогда черты исказились, в лиловых глазах искрило безумие.

И все вокруг казалось безумным сном.

И отдающие эхом своды стен.

И вьющиеся тени вокруг.

И звуки музыкальной шкатулки.

И тонкий аромат полыни, аниса и пряностей, словно кто-то только что разлил абсент. Однако разлито было сумасшествие. Оно же впиталось в пол, поднялось к потолку, вьелось в стены. Миллиардами молекул разлетелось в воздухе. Попадало в кровь. Оседало в душе алым румянцем.

«Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам... Пам-пам-пам-пам...»

Музыка каплями падала в вязкую тишину.

Крепко связанная девушка, сидевшая перед молодым мужчиной на стуле, смотрела в его жуткое лицо со смесью страха и отвращения. Губы ее были разбиты, под спутанными длинными волосами запеклась темная кровь. Пульс частил. На висках крохотными каплями выступал пот.

Ей было страшно. Очень страшно. Так страшно, что душа трепетала в солнечном сплетении, мышцы заledenели (ударь — рассыплется), а глаза заволочло холодными слезами.

Только она их не чувствовала. Она вообще больше ничего не чувствовала, кроме его пальцев и дыхания на своей коже. И всепоглощающего страха.

Ей казалось, она привыкла к страху. Но это было ошибочным умозаключением. К страху смерти привыкнуть нельзя.

«Господи, почему?..»

— Ты пла-а-ачешь, — сказал мужчина нежно и стер слезы с бледной щеки, а после с задумчивым видом слизал их с пальца. Склонил голову к плечу, устремив глаза в высокий потолок, — ни дать ни взять гурман, распробовавший вкусное блюдо. Сладко, — сообщил он и принялся собирать слезы губами — с лица, шеи, ключиц, не прикрываемых больше футболкой — так сильно она порвалась.

От каждого этого мучительно долгого прикосновения девушку передергивало. Казалось, там, где побывали его губы, ее кожа начинала зудеть. А мужчина как будто бы и не замечал этого.

Ему нравилась делать с ней это.

Ему нравился ее страх.

Дыхание его стало прерывистым, тяжелым, и пару раз он прикусил ее кожу — так, что слезы смешались с кровью.

Ее кровь пьянила его. Ее запах сводил с ума — хотя, казалось, куда еще больше?

— Ты слишком сладкая, Кэнди. Чересчур.

Он положил указательный палец на ее нижнюю губу, оттягивая вниз и обнажая ровные белые зубы. И облизнулся довольно.

— Воссоединение... Я так скучал, — его голос был глумливым. — А ты скучала, Кэнди?

— Пожалуйста... — прошептала девушка едва слышно. — Пожалуйста...

— О чем ты просишь? — приложил он ладонь к уху, делая вид, что не слышит.

— Отпусти, пожалуйста... Пожалуйста, — ей было так страшно, что каждый звук давался с трудом.

Лиловые глаза сверкнули.

Ее похититель откинулся на спинку стула, сложив руки на коленях.

— Не могу, — честно признался он и потер подбородок. — Или... Да-да-да.

Тонкие губы растянулись в глумливой улыбке, на щеках появились ямочки — такие бывают лишь у веселых людей, которым часто приходится смеяться. Но кому нужны чертовы каньоны на щеках, если в глазах — ненормальность?

— Поцелуй меня. До головокружения. Сама. Тогда отпущу. Как тебе идея? Нравится? — он ласково

коснулся ее оцарапанного колена и с сожалением убрал руку.

Девушка часто закивала, согласная на все, лишь бы выбраться отсюда живой. В ответ ей досталась улыбка, в которой обаяние крепко смешалось с омерзением. Как виски с колой.

— Сладко целуй, Кэнди.

Шкатулка замолчала, и мужчина, дернувшись, схватил ее и вновь повернул несколько раз ключ. Приложил к уху, чтобы музыкальная капля зазвучала вновь.

«Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам... Пам-пам-пам-пам...»

Жуткая колыбельная пробирала до костей.

— Правда отпустишь? — немигающим взглядом уставилась в страшное лицо девушка. Темные спутанные волосы закрывали ей пол-лица. Из-за запекшейся в уголках губ крови казалось, что они опущены вниз. Ссадина на щеке была похожа на длинный шрам.

Она и сама сейчас выглядит сумасшедшей.

— Я тебе лгал? — пожал плечами мужчина, сунув руку в карман балахона.

В полутьме, поймав один из бликов, блеснуло острое лезвие ножа. Девушка инстинктивно сжалась, поняв, что это — конец. Она зажмурилась, но...

Но нож не коснулся ее плоти — разрезал лишь веревки, освобождая тяжелые затекшие руки и ноги. А после со звоном полетел на пол.

Ее натянутые нервы также звонко резонировали в ответ.

~~Комментарий: снов, любимая~~

— До головокружения, — напомнил учительским строгим голосом мужчина и вновь сел на стул напротив, устало откинул назад длинные черные волосы, а после молча коснулся темных узких губ пальцем, незамысловато давая понять, чтобы она начинала.

Он ждал. Предвкушал. Наслаждался моментом. И глаза его заволокло от желания.

Девушка медлила. Ее все так же трясло от страха, и затекшие руки не слушались, однако она верила, что это может стать ее шансом. Шансом на спасение. И она должна преодолеть и слабость, и страх, и отвращение и сделать то, что он просит.

Должна?..

Должна.

Должна!

Неловко подавшись вперед, девушка, зажмурившись, коснулась его страшных губ с ощущением, что целует огромного разговаривающего паука или змею с человеческими глазами. Ей казалось, что за стиснутыми зубами кроются кишачие отвратительные личинки. И они только и ждут, чтобы из его рта пасть в ее и найти дорогу в пищевод.

Ее затошнило от собственных мыслей и страха. Ужас плотной навязчивой пеленой окутал тело, и сердце готово было взорваться от столь частых ударов, но... Ничего страшного не произошло.

Ни боли, ни омерзения.

Горячие мужские губы. Она ощутила на них легкий металлический привкус, который почти не чувствовался. Его перебывала польнь — как будто он недавно пил абсент.

Горько...

И притягательно — только в этом признаться не было сил. Он сводил ее с ума, похитил (или сделал так, чтобы она сама пришла к нему?) и скоро лишит жизни. Есть ли в этой болезненной притягательности смысл?

Ни нежности, ни симпатии, откуда взяться наслаждению?..

Она сходит с ума.

Девушка отстранилась. Глаза ее блестели, темные пряди прилипли к влажным щекам и шее, ноздри трепетали.

Мужчина едва заметно покачал головой. Не удовлетворен.

Он просил целовать до головокружения?.. Как?.. Ведь сам он не отвечал, оставаясь неподвижным. Демонстративно глядя в сторону. Наслаждаясь ее бесполезными попытками. Ее слезами. Ее унижением.

И она знала это.

Страх приливал в голову вместе с кровью, затмевая разум.

Нужно выжить. Любой ценой. Отомстить. Рассказать правду.

С этими мыслями девушка коснулась кончиками ноющих пальцев его щеки, как будто раздумывая, что делать. После встала на негнущихся ногах, затекших и не слушающихся, и, едва не упав, села к нему на колени, ненавидя и мечтая, чтобы он упал замертво... прямо сейчас... прямо здесь... оставив ее в покое...

Он выглядел как псих. И действовал как ублюбок. На если отбросить все это, казалось по ощущениям, что он — обычный мужчина.

Но как все это можно отбросить?!

Вьющиеся в углах тени беззвучно захохотали в ответ на ее бессвязные мысли. Шкатулка замолчала. Воцарилась призрачная тишина.

Девушка медлила несколько секунд, собираясь с силами, а после впиалась в его губы почти безумным поцелуем, сама не зная зачем укусив до крови.

Это спустило крючок. Курок освободился, и чувства выстрелили, полетели сквозь тело, разрушая разум.

Перед ее глазами мелькнула вспышка, и, если бы не его руки, она бы упала.

Шкатулка зазвучала вновь сама собой.

...серо-голубые глаза смотрят на нее с нежностью и любовью.

Его губы несмело касаются ее губ.

Их пальцы переплетены.

«Я люблю тебя», — легкий шепот щекочет ей ухо.

«Я люблю тебя», — так приятно соглашаться со взаимностью и падать в объятия друг друга.

Они лежат на его куртке прямо на земле, и всюду травы. Высокие травы скрывают их. Травы знают их тайну. Травы — всему свидетели.

Он повторяет ее имя. Целует ладонь.

Внутри ласковая акварельная осень, без ветров и с тоннами золотистого солнечного света. И снаружи — она же.

Прохладно. Небо низкое, синее, полное сил.

Пахнет яблоками, полынью и упоительно-горькими травами.

И перекаати-поле прыгает радостно, и внутри все тоже радостно и светло.

Ему не приходилось до нее ни с кем целоваться, и он неопытен, но ей это нравится. Он ничего не умеет толком и, кажется, стесняется, но его тянет к ней так же сильно, как и ее к нему.

Она держит его лицо в ладонях, и смеется звонко, и...

...и тогда он словно сошел с ума. Схватил ее за плечи, больно впившись пальцами в нежную кожу, жадно отвечая на поцелуй — так, словно это был последний поцелуй в его жизни. Неистовый, болезненный, сокрушающий.

Сумасшедший, как и он сам.

Поцелуй цеплял. Ненавистью, отчаянием, разрушительной силой.

Каждая мышца оказалась напряжена. Каждый нерв — оголен.

Внутри искрило.

И это было похоже на борьбу.

Девушка не помнила, как потеряла контроль. Не понимала, как стала получать от всего происходящего удовольствие — ломкое, хрупкое, как стекло, и такое же острое, опасное.

Ненормальное.

Она цеплялась за напряженные плечи мужчины, вскидывала вверх подбородок, разрешая оставлять на натянутой шее отметины, хваталась за волосы, шептала что-то совсем бессвязное.

Тонула.

Летела.

~~Комментарий: снов. любимая~~

Ее пронзало насквозь — через легкие и сердце, вниз, сквозь живот.

— Кэнди-Кэнди-Кэнди, — хрипло говорил он в перерывах между поцелуями, опалая ее кожу дыханием. — Что ты делаешь со мной, Кэнди. Слишком головокружительно...

А она, испытывая почти физическую боль от того, что ее похититель отстранялся, ловила его губы и вновь, и вновь целовала.

Целовала так, будто любила. Но точно знала, что ненавидела его.

Он отстранился первым и заботливо усадил девушку на свой стул. А она беззвучно заплакала — от неожиданного разочарования, попыталась вновь забраться к нему на колени, но он грубо отпихнул ее от себя и вновь откинулся назад, тяжело дыша и глядя на нее исподлобья.

Между ними повисла тишина. Тени затаились. Заулыбались.

Несколько десятков секунд ломки, и девушка пришла в себя, поняв, где она и что с ней. По телу, теперь уже не скованному веревками, прошла новая волна страха. Что на нее нашло?! Стокгольмский синдром?

Тонкие пальцы коснулись горящих губ.

Нет, она не могла. Нет.

Мужчина смотрел на нее с умилением, будто читал мысли. Только лиловые глаза стали еще страшнее. В них не было бликов. В них не было ничего, кроме этого всепоглощающего сумасшествия.

— Отпусти, — попросила девушка едва слышно. Надежда уходила предпоследней — после нее уйдет ее тело.

— Отпущу, — легко согласился ее похититель. В его словах не было ни намека на правду. — Я обещал.

Она заломила руки. Пусть это закончится. Пожалуйста. Пусть, пусть, пусть...

— Иди, — широко махнул он рукой. И улыбнулся весело. Ямочки на его хищном лице казались совершенно лишними. — Иди же. Иди. Дверь там, — указал он пальцем с темным ногтем куда-то вправо.

Только тогда девушка поняла — что бы она ни сделала, как бы свободно ни было ее тело сейчас, он все равно убьет ее. Только сначала поиграет. И эта игра уже началась.

Веревки ничего не значат. Ей не спастись.

Он будет всюду. Он будет за ее спиной. Он будет в ее сердце.

— Ты тоже... — с трудом выговорила она, вспомнив всех тех, кто исчез. — Убьешь... меня тоже?

Он улыбнулся, встал, наклонился к ней, положив руку на спинку стула за ее спиной, и аккуратно лизнул щеку, оставляя на ней влажный след.

— Ну что ты, Кэнди. Что ты. — Лиловые глаза долго всматривались в ее испуганное лицо с потеками крови. — Что ты. Иди же.

Ее затрясло. Она замотала головой, залепетала что-то жалкое, просящее.

Мужчина резко схватил ее за предплечья и рывком поставил на ноги. Как куклу.

Она и была его куклой.

— Иди, — повторил он все тем же своим противным голосом. — Убегай. Ищи счастье, Кэнди! Со мной ты его не найдешь.